

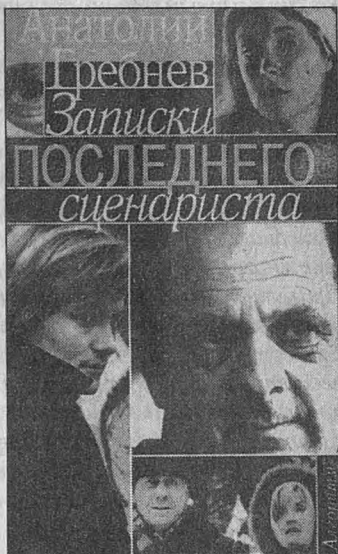
Анатолий Гребнев. "Записки последнего сценариста". "Алгоритм", М., 2000

В названии книги Анатолия Гребнева "Записки последнего сценариста" слово "последнего" — набрано крупно, потому как для автора оно ключевое. Не то чтобы за тобой никого, люди есть, и талантливые, но вот только профессия, как скажет Гребнев, кончается. Вообще сам факт выхода записок сценариста — событие чрезвычайное. С чего это вдруг публиковать страницы, написанные не об актере и не актером о пикантных фактах его биографии? С точки зрения "издательского разума", ход странный, не сулящий особых дивидендов. Но это лишь на первый взгляд, взгляд обывательский. Книга, можно смело сказать, уже классика кинодраматургии, — чтение потрясающе интересное.

Гребнев и в жизни отличный собеседник, умница, разговаривать с ним — удовольствие: о профессии, о жизни, об общих знакомых. Когда-то он работал в газете "Советская культура", но судьба повернула жизнь по-иному, можно сказать, бросила в кинематографический омут, в котором Анатолий Борисович не утонул, а освоился, уподобился рыбе, которой без этой самой водицы — тоска.

В "Записках" он вспоминает людей, с которыми ему довелось работать, об "обидчивом цехе" сценаристов, о режиссерах, а это не какая-нибудь мелкота, но классики, титаны — Райзман, Хуциев, Товстоногов, а также о скромных, на первый взгляд, незаметных людях, без которых киножизнь заглохла бы. Но что интересно более всего, так это "общие" рассуждения о жизни. Например, о пресловутой необязательной московской дружбе, когда люди, кажется, близки и откровенны, интересны друг другу, но могут не видиться годами и быть ничем не связаны. Без надобности в Москве встречаются редко. Вроде бы мы и сами все это знаем не понаслышке. Но в том-то и сила слова — точно сформулированное, оно заставляет призадуматься над тем, отчего так, а не иначе.

Фильмы по сценариям Гребнева любимы публикой, будь то "Частная жизнь", "Июльский дождь", "Прохиндиада", "Прощание с Петербургом", "Старые стены", "Время желаний", "Успех", "Утренний обход" или "Петербургские тайны". Как много существенного остается при этом за кадром — текста, мыслей, разговоров и встреч с людьми. Взять хотя бы сериал о молодых годах Карла Маркса, снятый Кулиджановым, подвергавшийся еще недавно топтанию тех, кто моложе, а значит, свободней. Гребнев же и про Маркса творил не соцказак, не конъюнктуру. Почитайте книгу — поймете. А люди про Маркса смотрели как про

Санта-Барбару, эпоха которой приближалась.

То, как написал он о Галиче и что сказал о нем, ни у кого другого встречать не приходилось. Просто, буднично, а драма-то — вот она, случилась ("Он не был диссидентом: он не хотел им быть. Его вполне устраивала та жизнь, что была. ... За свое хобби, ставшее призванием, за песни свои и славу Александр Галич заплатил дорогую цену. Он и в эмиграцию не хотел — его выталкивали... Началось с шалостей в большевских домиках...").

Очень смешно описал совместную свою работу с Анатолием Эфросом над "Солнечным августом", который так и не состоялся. С перебранками, оскорблениями, но легкую и веселую, "в одно касанье". Вообще рождение сценария от замысла до кочевья по инстанциям — история почти авантюрная, с приключениями, хоть кино снимай.

Отдельная глава посвящена особому событию в жизни российских кинематографистов, ее название говорит само за себя — "Пресловутый Пятый съезд". Что же тогда случилось? А.Гребнев буквально вгрызается в глубины этого эпохального события, начинавшегося вполне буднично, не сулившего переворотов. И дело ведь не в том, кто и что сказал в те дни, а как все вызревало, как в принципе материализуются подобного рода прорывы. И почему после них расцвета не наступает? В "Записках последнего сценариста" много вопросов и много ответов на те из них, что задаешь себе. Послевкусие, как после хорошей беседы с толковым, сердечным человеком, — радостно и легко, можно жить.

Светлана ХОХРЯКОВА